

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ТАНЕЦ

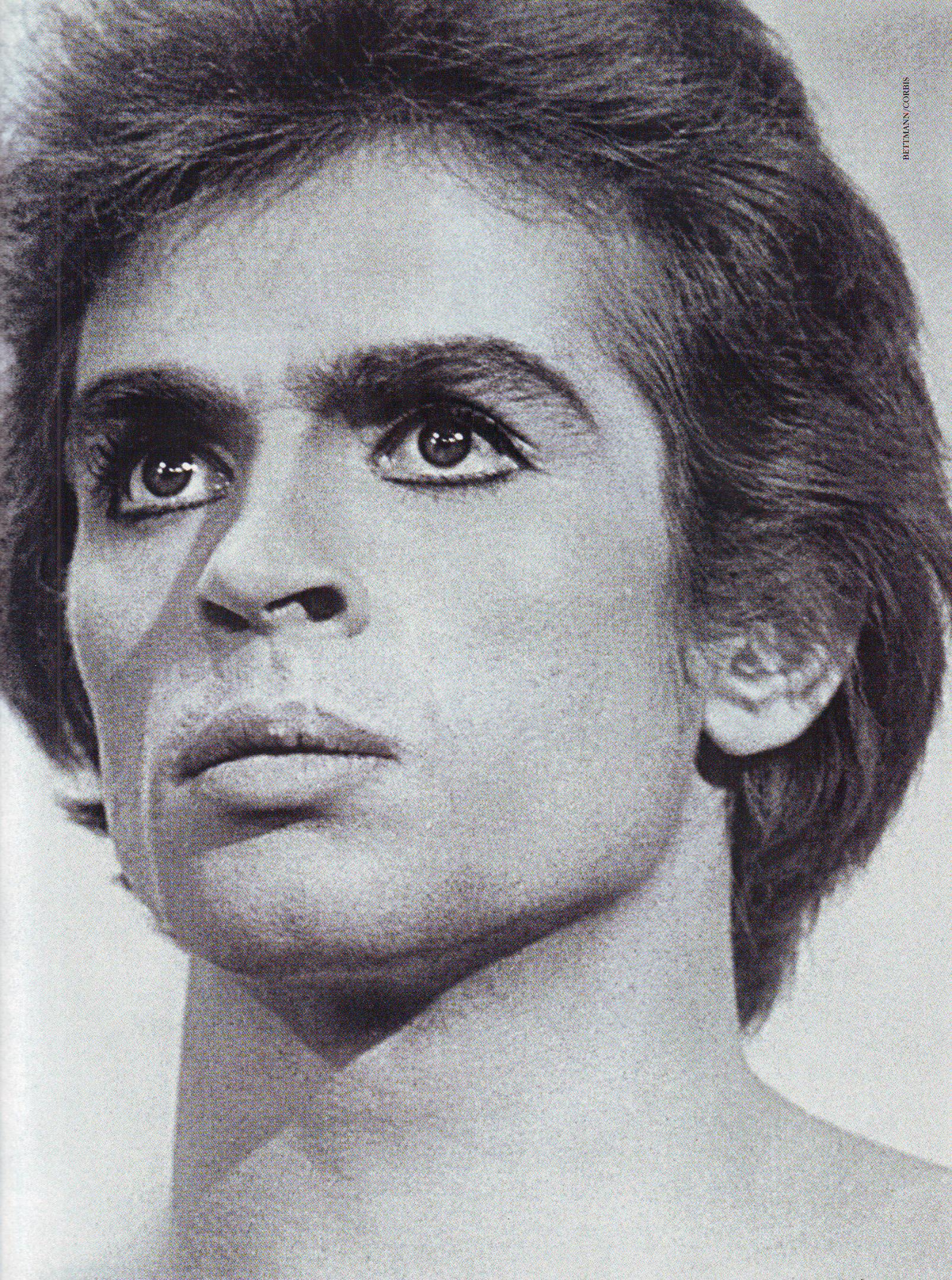
Фарфоровая китайская ваза XVI века описала в воздухе большую красивую дугу и с мелодичным звоном ударила об пол — осколки брызнули во все стороны, и присутствующие прижались к стене. Рудольф Нуриев немного подумал, вздохнул и отправил вслед за первой вазой вторую. Затем, сверкнув глазами, он выругался и выскоцил из комнаты.

Эскиз нового костюма ему не понравился: мало того, что некрасив — танцевать в нем было бы неудобно, и Нуриев выразил свое неодобрение так, как это делал всегда. Он выбежал в коридор рыча и плюясь, свирепый русский мат смешивался с английской бранью, и те, кто пытался с ним спорить, смотрели ему в спину с ужасом и обожанием.

Нуриев был неподражаем и велик, дикие выходки, давно ставшие неотъемлемой частью его имиджа, мгновенно разлетались в слухах, сплетнях, анекдотах и газетных статьях. Называя администраторшу британского Королевского балета гадким русским словом, запуская в известного балетмейстера тарелкой с горячим паштетом, Нуриев получал удовольствие — и одновременно делал себе рекламу. Его не зря называли пантерой, не напрасно сравнивали с диким, безудержным в своих страстиах хищным

животным. Поскандалив, он выходил на сцену, и зал захлестывала исходящая от него эмоциональная волна — в нем были и первобытная сила, и бешеная сексуальность. Молодежь, которую Нуриев заставил полюбить классический балет (вызолоченные залы Королевского балета, «Метрополитен-опера» и Парижской оперы никогда до этого не видели патлатых юнцов в брюках клеш, поклонников группы «Битлз» и любителей марихуаны), выла и бросалась к сцене. Гром оваций, дикие вопли «Руди!», толпы девиц, поджигающих своего кумира у служебного выхода... Такое бывало только во время гастролей самых известных поп-групп.

Но Нуриев, в отличие от «битлов», не любит толпы и, как всегда, ускользнет от своих фанатов. Он вернется домой, переоденется и, когда к нему приедут гости, примет их не хуже, чем это сделал бы султан Брунея, — на нем будет атласный, шитый золотом халат, когда-то принадлежавший Наполеону III, а в комнатах огромного дома на окраине Лондона зажгут десятки свечей. В их живом колеблющемся

EAST NEWS

Слева направо: Роза, Лилия, Разида и Рудольф Нуреевы

свете таинственно заиграют бронзовые украшения мебели, принадлежавшей когда-то Елизавете Английской, а ворс драгоценных персидских ковров и цветные узоры, покрывающие обои из тисненой кордовской кожи XVII века, сольются в единое целое и превратят нуреевское жилье в пещеру Алладина. Наутро газеты сравнят его с Аттилой и Чингисханом, а во время следующего спектакля он разо-

злится на партнершу и укусит ее за ухо... Другого бы за это уволили, а ему сходило с рук решительно все: к тридцати годам Нуреев стал полубогом, и уже никто не узнал бы в нем жалкого уфимского татарчонка, горе родителей и посмешище одноклассников...

Грязная улица, состоявшая из почерневших покосившихся бревенчатых домишек, крохотная комната, в которую втиснулись шесть человек: Хамет и Фарида Нуреевы спят на кровати, а четверо детей — на полу. На единственного мальчика в семье приходится трое девчонок.

Родители Хамета были крестьянами, до революции он собирался стать муллой, а когда времена изменились, поступил в военное училище и подался в политруки. Майор Нуреев воевал с 1941 года, и ему удалось выжить, а теперь он демобилизовался и начал строить мирную жизнь — его взяли заместителем директора местного ПТУ, и он очень гордится ответственной должностью. Сын, по его представлениям, должен стать таким же, как он — серьезным и положительным человеком.

Хамет Нуреев сдержан и закрыт — на самом деле он не ждет от сына ничего путного. Тот, в ком течет его кровь, должен вести себя как мужчина, а этот — самая настоящая тряпка. Неженка. Трус. Нуреев-старший сжал губы — он хорошо знал, как к Рудольфу относятся в школе.

...В коридор вылетают сорок пять дурно одетых, немытых мальчишек, кто-то подставляет Рудольфу подножку, другой звонко щелкает его по коротко стриженому затылку. Школьный кодекс строг: в ответ надо огреть обидчика портфелем по голове, а потом врезать ему кулаком по носу. Но Рудольф ведет себя иначе — он с разбега хлопается на

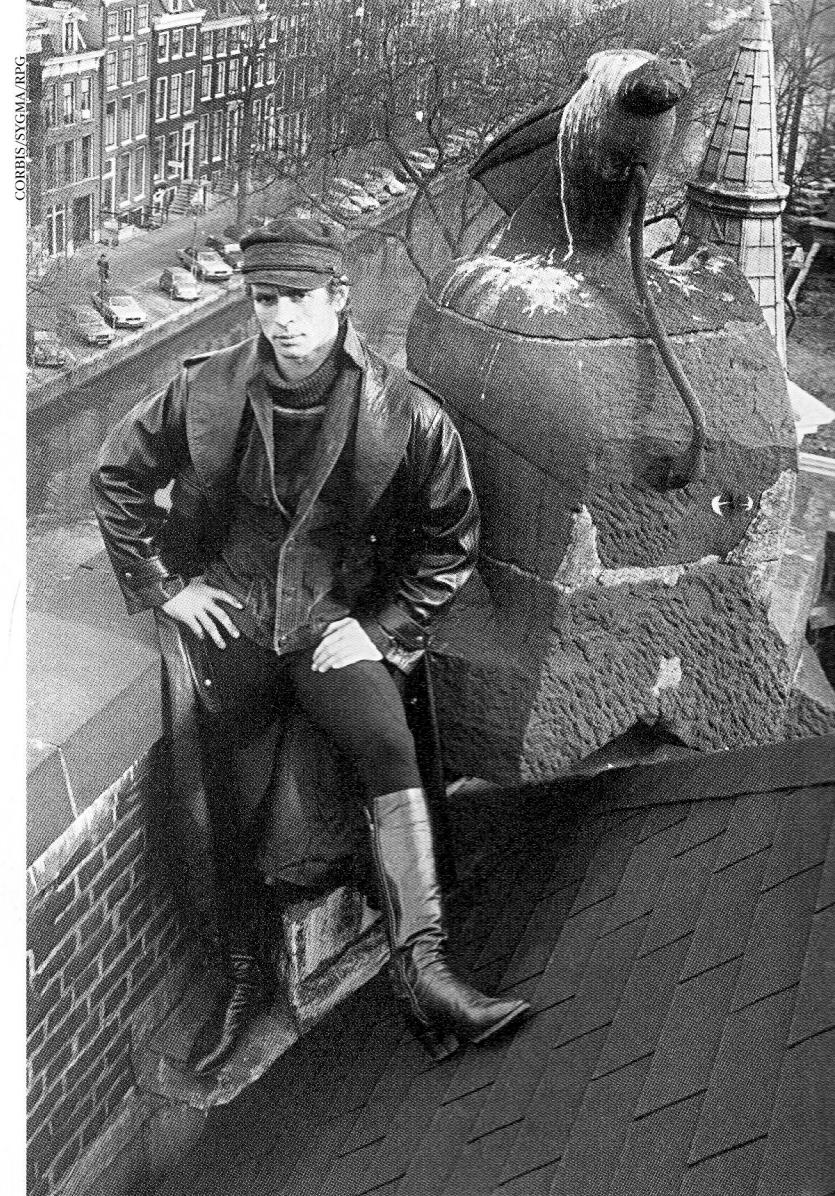
пол, переворачивается на спину и дико кричит. От него отшатываются как от прокаженного, а он баражается на полу, хватается за голову и вопит что есть мочи — тщедушный татарчонок не желает быть таким, как все. В его отчаянном вопле есть свой смысл: Рудольф, сын Хамета Нуреева, сообщает этому недоброму миру, что он живет сам по себе и его надо оставить в покое.

Все, что он мог бы сказать своим домашним, одноклассникам, учителям, Рудольф Нуреев выплескивает в танце: на сцене школьного актового зала мальчик преображается, у него оживает лицо, руки летят, следя за музыкой, и он несется по залу, как маленькая молния. Танец — его радость и его свобода, новые движения он разучивает неимоверно быстро; он великолепен, но родные этого не видят.

Пшенная каша на завтрак и ужин, серые макароны на обед, дощатый сортир во дворе и одни-единственные штаны, которые Рудольф Нуреев носит и зимой, и летом. В бани ходят по субботам — горячей воды в доме нет; он грязен и нечесан — и так живут все, кто его окружает. В доме нет ни одной книги. Хамет Нуреев, пытаясь сделать из маменькиного сынка мужчину, водит сына на охоту, от которой того тошнит... Но однажды мать берет его на балет, и Рудольф возвращается домой пьяным от счастья.

Это сон, сказка, так не бывает! Внизу притихло море людей (Нуреевы сидели на балконе), а на сцене — невиданно прекрасный мир: люди в белоснежных костюмах танцуют под музыку, какой он никогда не слышал; принц подхватывает на лету красавицу в короткой воздушной юбке и поднимает ее на вытянутых руках. Зал взрывается аплодисментами, а Рудольф Нуреев вздрагивает мальчику, сидящему в третьем ряду балкона, кажется, что это он был принцем и те, кто сидит внизу, хлопают не артисту, а ему.

Через несколько месяцев в хореографической студии при Уфимском театре оперы и балета появился новый, очень странный ученик. Маленький, взъерошенный, грубый, упрямый, необычайно работоспособный и чудовищно неухоженный. Он приходил на занятия в последний момент и при каждом удобном случае дерзил преподавательницам. Благовоспитанные балетные дамы, бывшие выпускницы Петербургского театрального училища и экс-солистки Императорского балета, которых в Уфе забросили рево-

К тридцати годам Нуреев стал полубогом, и уже никто не узнал бы в нем жалкого уфимского татарчонка — горе родителей и посмешище одноклассников...

Хамет Нуреев не ждал от сына ничего путного. Тот, в ком течет его кровь, должен вести себя как мужчина, а этот — настоящая тряпка. Неженка. Трус

люция и Отечественная война, смотрели на него с недоумением и презрительностью, но вскоре они поняли, что скверный мальчишка феноменально талантлив.

...Он входит не здороваясь, в ответ на замечание ведущей класс дамы бурчит что-то нечленораздельное, бросает на пол сшитую из старого брезента безобразную сумку и начинает медленно натягивать рваные, вытертые, черт-те чем пахнущие кеды. В чувство его приводит лишь упоминание о колонии для несовершеннолетних преступников: услышав это, Рудольф Нуреев побледнел и соблаговолил извиниться. Ему было страшно потерять балет, а колонии он не боялся. Отец, узнав о том, что Рудольф занимается в студии, сулил ему еще и не такое. Он был серьезным челове-

ком и не верил, что танцовщику могут платить приличные деньги, Хамет Нуреев хотел, чтобы Рудольф стал товароведом. Он бил его каждый раз, когда узнавал, что сын снова ходил на свои дурацкие занятия, и тому приходилось выдавать их за курсы счетоводов.

...С каждым годом, проведенным на Западе, детские воспоминания становились все менее отчетливыми. Но когда ему было очень плохо, он снова видел Уфу: ему двенадцать лет, у него ангина, сестра Роза поит его с ложечки горячим жирным бульоном, а мать растирает ему грудь гусиным жиром. Он часто видел ее во сне — наутро ему хотелось кого-нибудь ударить; иногда мать звонила ему перед спектаклями и говорила, что ей без него плохо, что ему пора вер-

нуться — и тогда он вежливо заканчивал разговор. Рудольф Нуреев знал, что звонок подстроен КГБ, но ему все равно делалось скверно. Московские организаторы подобных мероприятий получали благодарности, а отдуваться за них приходилось лондонскому или парижскому костюмеру, на котором Нуреев ни за что ни про что срывал свое отчаяние.

Думая об Уфе, он вспоминал снег и санки, теплые руки матери, ощущение надежности и покоя: они жили впроголодь, но он знал, что кусок хлеба для него найдется всегда — в крайнем случае мать отдаст ему свой. Нуреев помнил, как мать пришла на его дебют в Кировском театре: старое пальто, изуродованные работой руки, испуганные глаза. Она сидела в третьем ряду партера и слушала восторженные крики: «Нуреев!», а после спектакля он украдкой сунул ей сто пятьдесят рублей. Ему было неловко из-за ее разбитых туфель, он не хотел, чтобы его друзья видели их рядом, — вспоминая это, Нуреев краснел.

Мать мечтала, чтобы сын всю жизнь был рядом, но он оставил дом и никогда не жалел об этом: Рудольф Нуреев всегда отдавал себе отчет в том, что хочет получить от жизни. Жизнь — это бесконечный труд, который служит твоему успеху, а вкус успеха дороже всего на свете: что сравнится с громом аплодисментов и ревом восторженного зала? Он знал, что Нуреевы ведут свою родословную от воинов Чингисхана и верил, что ему суждено быть первым. Он — гений, и ему позволено все — через желания своих родителей Рудольф Нуреев переступил без сожаления.

Его берут в Уфимский балет, начинают платить, обещают отличную карьеру. Теперь он может приодеться, обзавестись собственным жильем — но у шестнадцатилетнего артиста совсем другие планы. Рудольф Нуреев хочет быть первым, а для этого надо попасть в Ленинградское хореографическое училище. Беда в том, что туда берут только маленьких детей, а в его возрасте освоить настоящую балетную технику почти невозможно. Так совершается первое нуреевское чудо: он заводит нужные связи, интригует, унижается и получает направление в Ленинград. Вторым чудом было то, что он стал лучшим в своем классе.

В хореографическом училище жилось не сладко, чем в Уфе: комната на двадцать человек и общарпанные удобства в коридоре, скучная еда, жесткая дисциплина и тяжелый, изматывающий труд. Рудольф Нуреев знал, что на новом месте необходимо заставить с собой считаться: когда ему хотелось послушать Баха и подумать о своем, он выставлял из комнаты девятнадцать маленьких и слабых соседей. (В преподавательницу, обратившую внимание на испуганную стайку детей в коридоре и приоткрывшую дверь, полетел старый сапог.)

Думая о Ленинграде, он вспоминал запах подгоревшего подсолнечного масла и жареной картошки, звон гитары, солоноватый вкус девичьих губ. Ему снова девятнадцать, и он впервые в жизни влюблен. Его всюду видят с кубинкой Менией Мартинес: крепкая смуглая девица учится в хореографическом училище и ведет себя почти как он — она тоже рождена свободной. Здесь есть все, что должно быть во время первой любви: томление духа и тела, отчаянные и неумелые ласки в купе ночного поезда и рыдания по пути на аэродром. Плачет Нуреев: девушка уезжает домой, и увидеться они больше не смогут (он твердо в этом уверен — ведь на дворе 1958 год). С ним останется память о торопливых поцелуях, грохоте колес, качающейся вагонной

Нуреев и Марго Фонтеин (Бейрут. 1964 г.)

полке, маленьком сильном теле, не желающих расстегиваться пуговицах и завязке, которую он никак не мог найти... А невинность он потеряет через несколько лет, во время зарубежных гастролей — его первая женщина, прошедшая огонь, воду и медные трубы тридцатилетняя примадонна, со вкусом опишет всем «маленьким лебедям» и детали прошедшего, и мужские качества своей очередной жертвы.

Потом начались спектакли и гастроли, и к нему пришел настоящий успех. Шквал аплодисментов после спектакля в Москве, балетоманки, подстерегающие его у служебного подъезда Кировского театра, жена главного балетмейстера

и художественного руководителя Ленинградской труппы Константина Сергеева, пожелавшая сделать Нуреева своим сценическим партнером... Теперь он танцует большие партии, и вслед за первым успехом приходит первая слава.

Кировский театр выделил Рудольфу небольшую квартиру в Ленинграде, в которую тут же вселилась его сестра Роза. Сперва она водила к себе мужчин, затем забеременела, а потом прописала там свою маленькую дочь.

Угла, который он мог бы назвать своим, у Нуреева не было — но это не слишком его беспокоит. Жизнь заполняют спектакли и книги, выставки, театры и разговоры с друзьями. Он по-прежнему несдержан на язык, и партийное на-

чальство Кировского театра, а также курирующие его люди из КГБ смотрят на Нуреева косо. На гастроли, которые должны пройти в Париже и Лондоне, его скорее всего не возьмут — это важная поездка, для нее подбирают очень ответственных людей. Но в Париже уже слышали о Нурееве, и не предчувствующий беды директор Кировского театра Коркин идет французам навстречу.

Рудольф едет во Францию, и балетоманы сходят по нему с ума — ему дают престижную премию Нижинского. А он расцветает в непривычной для него атмосфере огромного, сияющего ночными огнями западного города, и капитан

На приеме, который был устроен в честь начала гастролей, он подошел к танцовщикам Парижской оперы и представился на своем плохом английском: «Я Рудольф Нуреев, ваш коллега из Кировского театра». Они познакомились с ним и познакомили его со своими друзьями; среди них была Клара Сент, красивая и довольно богатая девушка. Так он открыл свой собственный Париж, незнакомый его коллегам, после спектаклей возвращавшимся в гостиницу и варившим себе суп при помощи привезенных из Ленинграда кипятильников. Спектакли заканчивались поздно, но в его распоряжении были вся ночь и весь следующий день — до

Балерины из труппы рыдали и объясняли начальству, что это недоразумение: Рудик — настоящий советский человек. А Рудик между тем уже видел себя на Колыме

госбезопасности Владимир Дмитриевич Стрижевский, прикомандированный к этим гастролям, посыпает в Москву бесконечные докладные записки. Смысл их сводится к одному: Рудольфа Нуреева, проявляющего крайнюю идеиную незрелость и политическую близорукость, следует немедленно отзывать домой. Бюрократическая мельница завертелась, между советским послом, Комитетом госбезопасности и соответствующими отделами ЦК КПСС завязалась бурная переписка, а Нуреев тем временем наслаждается Парижем и не подозревает, что его судьба висит на волоске.

вечера, когда надо было снова ехать в театр и начинать гри-мироваться. Клара Сент всерьез им увлеклась: она показывала своему новому другу город, водила по набережным, выставкам и ресторанам и приехала его провожать в аэропорт Ля Буржэ — Кировский театр улетал в Лондон. И он метнулся к ней с бледным перекошенным лицом: «Клара, меня отзывают в Москву. Все пропало, мне больше не дадут танцевать в Кировском и отправят обратно в Уфу! Прощай навсегда, моя жизнь кончена».

Все было разыграно как по нотам. Перед посадкой директор театра отзвал Нуреева в сторону и сказал, что пла-

CORBIS OUTLINE/RPC

Деньги и роскошные вещи были очень важны для него: Нуреев любил красиво жить, а о его прижимистости друзья рассказывали анекдоты

ны меняются — все едут в Лондон, но он должен срочно вылететь в Москву у него заболела мать, к тому же ему придется выступить на правительственном концерте, этого якобы захотел сам Хрущев. А после Рудольф сможет догнать труппу в Лондоне — все в порядке, дома тебя уже ждут, попрощайся с товарищами иди на свой самолет. В стороне сидели несколько крепких человек с совершенно одинаковыми внимательными лицами и в одинаково не-приметных костюмах, балерины из труппы рыдали и объясняли начальству, что это недоразумение: Рудик — настоящий советский человек. А Рудик между тем чувствовал, что сходит с ума: он знал, что дома ему придется ответить и за своих парижских друзей, и за Клару Сент, и за Музей-квартиру Ленина, в которую он не поехал, и за то место, куда он послал товарища Стрижевского. У него богатое воображение — и будущая кара представляется ему увеличенной в энной степени: Рудольф Нуреев уже видел себя на Колыме.

Операция проходила нормально, но капитан Стрижевский не учел того, что Нуреев всерьез нравился Кларе Сент, у французской полиции были стойкие антикоммунистические убеждения, а службой безопасности аэропорта руководил сын белогвардейца. Объятие, поцелуй, шепот: «Ты готов остаться во Франции?..» и ответ: «Да». А затем Клара Сент отправилась искать местную власть. Время шло, директор театра уже положил Нурееву руку на плечо, но тут Рудольф увидел направлявшихся к нему полицейских — и взлетел, воспарив в фантастическом, невероятно длинном и высоком прыжке (позже газеты назовут его «прыжком к свободе»). Люди с одинаковыми лицами попытались вызволить советского гражданина, но полицейские объяснили им, что здесь Франция, а не СССР. Рекламную кампанию, которая последовала вслед за этим, нельзя было бы организовать ни за какие деньги: Нуреев стал первой советской звездой, оставшейся на Западе, и о нем хотел написать каждый журналист.

Потом было все, о чем любой из коллег Нуреева мог только мечтать. Дома в Лондоне и Монако, двенадцатикомнатные апартаменты в Нью-Йорке, квартира в Париже, собственный остров и замок, двадцать миллионов долларов на счетах в США и Лихтенштейне, коллекции старинных костюмов, бронзы, ковров и драгоценных картин. А в России между тем писали, что Нуреева постоянно ошибают члены профсоюзов, поэтому его мать даже отказалась от цветного телевизора, который он собирался переправить в Уфу, — ей казалось, что Рудик бедствует. Ленинградский суд заочно приговорил его к семи годам тюрьмы. Атташе по культуре при советском посольстве, встретив Нуреева, ударил его в челюсть.

Деньги и роскошные вещи были очень важны для него: Нуреев любил красиво жить, а о его прижимистости рассказывали анекдоты — он никогда не платил за ресторан или такси, предпочитая, чтобы это сделал кто-то из его спутников. Но главным было другое: Нуреев хотел танцевать, и Запад дал ему такую возможность. Он много и жадно работает, путешествует по всему свету, ищет одаренных балетмейстеров и хороших партнеров, репетирует до седьмого пота и занимается у станка как проклятый. Нуреев читает в самолетах, после спектаклей отправляется в кино, на концерты или выставки и за один вечер успевает побывать в четырех-пяти местах — ему все нужно и все интересно. Раздевает и одевает его персональный массажист — на такую ерунду Рудольф Нуреев не может тратить силы и времени. Репетиции, овации, перелеты — успех нарастает как снежный ком, и он стремительно превращается в самого известного и высокооплачиваемого балетного артиста мира.

Люди хотели знать о Нурееве все — и действительно знали о нем многое. Нуреев — это Марго Фонтейн, известная балерина, звезда Королевского балета, благодаря своему новому партнеру обретшая вторую молодость. Нуреев — это масса богатых и знаменитых людей, считавших за честь называться его друзьями: Жаклин Кеннеди и княгиня Радзивилл, барон и баронесса Ги де Ротшильд, мультимилиардер-судовладелец Ниархос. И, наконец, имя Нуреева ассоциировалось с тысячами поклонниц, считавших своего идола вплоть до его последних лет одним из великих любовников эпохи. О подлинной жизни Рудольфа Нуреева знали только его близкие друзья.

То, что женщины его не интересуют, он понял на Западе. Больше всего на свете Нуреев любил классический балет, его идеалом танцовщика был датчанин Эрик Брун, спокой-

ный и меланхоличный красавец, атлет с лицом Аполлона. Он был мягок и хорошо воспитан, обладал идеальным телом и отточенной техникой: Бог дал ему все, чего был лишен Рудольф Нуриев, и любовь началась с эстетического преклонения.

Первая встреча, разговор о будущей совместной работе, холодные, ничего не значащие слова. Чашка кофе после репетиции, странные паузы, недоумевающие светло-голубые глаза Бруна — Аполлон чувствует, что с ним происходит что-то странное, и боится признаться себе в том, что это такое. Дикий крик его матери — Рудольф поселился в их доме, и старуха быстро во всем разобралась: с ней случился при-

придавал этой стороне жизни особого значения: танец в Нью-Йорке, танец в Японии, балет, который он должен поставить в Париже... И пара молодых людей на закуску, для того чтобы получить удовольствие и снять напряжение. Когда его сравнивали с дьяволом, Нуриев только улыбался...

Он работал как вол, танцевал с сорокаградусной температурой — партнерше казалось, что он вот-вот взорвется от жара, выступал с разбитой щиколоткой, с кальциевой шпорой на пятке и вросшим ногтем, причинявшими ему страшную боль. Его всегда сопровождал успех, поклонники говорили, что возраст над ним не властен, но цена, которую за все это пришлось отдать, была высока. За удачу Ну-

Мать смотрит на него молча, не моргая, не шевеля губами, и он не может понять, видит ли она его, может ли простить: ни слова, ни движения, ни вздоха

ступ, наутро ее не стало. Нуриев был талантливее Бруна, и тот вскоре стал его тенью, а Эрика это совсем не устраивало. Они сходились и расходились, потом у Бруна начались странные боли — рак удалось диагностировать с большим опозданием... Но Эрик порвал с ним задолго до этого: на прощание он сказал, что Рудольф разрушает все, к чему притрагивается. Вот тогда-то в его жизнь и вошли мальчишки из ночных клубов — Нуриев чувствовал себя сверхчеловеком, а таким позволено все. Он выбирал себе друзей, как другие выбирали красивую и удобную вещь, и не

реев заплатил полным одиночеством — он выбросил из своей жизни всех, кто мог бы помешать отдать ее танцу. И пусть он не заключал договора с дьяволом, не подписывал обязательства своей кровью, но для себя Рудольф Нуриев раз и навсегда решил: что не связано с искусством и успехом, не имеет для него значения; он посвятит балету всего себя, но взамен ему будет позволено все. Кто же мог подумать, что его так обманут?

Когда Нуриеву сообщили, что у него СПИД, он ничуть не испугался. Улыбнулся и сказал, что он татарин, и надо еще

Его жизнь ничуть не изменилась:
он мотался по миру, его встречали
и провожали овациями, и он тиранил всех,
кого только мог. СПИД пожирал его
изнутри, а он по-прежнему выходил на сцену

посмотреть, кто кого трахнет: то ли СПИД Нуреева, то ли Нуреев — СПИД. Его жизнь ничуть не изменилась: он мотался по миру, его встречали и провожали овациями, и он тирианил всех, кого только мог. СПИД пожирал его изнутри, а он по-прежнему выходил на сцену.

Маленький городок, бедный зал на окраине, публика, сидевшая в пальто, разгромные рецензии: «Нам показали тень прежнего Нуреева». Ему шикали, а он ехал в другой город и снова выступал в посредственном театрике; одни называли это агонией, другие видели здесь героизм, а он продолжал танцевать до тех пор, пока его держали ноги. Рудольф прекратил выступать только после того, когда одно провинциальное семейство, увидевшее его на какой-то захолустной сцене, подало на Нуреева в суд за «испорченный вечер и моральное разочарование».

Но в Уфу он все же вернулся: его мать умирала, и Рудольфу дали краткосрочную визу (спасибо перестройке и усердно очаровывавшему Запад Горбачеву) — его врач был единственным, кто знал о том, что у него СПИД.

Жалкая квартирка, оклеенная обоями в цветочек, постаревшие растолстевшие сестры, которых он едва узнал, на столе в кухне — бутерброды с маслом и колбасой и початая бутылка водки, а в соседней комнате лежит его мать. Она высокла, у нее желтое, в морщинках, лицо, но самое страшное — она его не узнает. Мать смотрит на него молча, не моргая, не шевеля губами, и он не может понять, видит ли она его, может ли простить: ни слова, ни движения, ни вздоха...

И тогда он тихо повернулся и вышел из квартиры. Оказалось, что ему было не к кому возвращаться в Россию, да и во Франции его уже никто не ждал.

Оставив балет, он начал дирижировать и за несколько месяцев обучился тому, на что у других уходили годы. Друзья поражались — Руди по-прежнему был бодр и спокоен; они не знали, как он тоскует, глядя на играющих в парках детей. А он чувствовал, что его жизнь не завершена, что он не может уйти, не оставив продолжения.

Незадолго до того как Нуреева увезли в больницу, он сделал своему ученику, танцовщику Шарлю Жюду, довольно странное предложение и умолял того отнести к его словам серьезно. Жюд ерзал на стуле, пока Рудольф убеждал его в том, что мадам Жюд можно было бы оплодотворить

Могила Рудольфа Нуреева на кладбище
Сен-Женевьев-де-Буа, Франция

Врач сказал, что СПИД может передаться ребенку, это смертельно испугало мадам Жюд, и Рудольф понял, что переиграть судьбу ему, увы, не удастся

семенем, которое врачи возьмут у Нуреева, и ребенка, который родится, они могли бы воспитать вместе. Получилась бы прекрасная семья: Жюд, его жена, их дети, ребенок Нуреева и сам Нуреев. Он даже начал присматривать для своей новой семьи красивый замок в Бретани. Но врач сказал, что СПИД может передаться ребенку, это смертельно испугало мадам Жюд, и Рудольф понял, что переиграть судьбу ему, увы, не удастся.

Врачи пичкали его лекарствами, сестры Нуреева, правдами и неправдами перебравшиеся на Запад, поили горячим жирным бульоном, от которого его тошили. Жизнь уходила из него с каждым вздохом, и он понемногу расставался с окружающей реальностью. Вот перед его глазами

вспыхнули софиты, оглушил гром аплодисментов, и он выбежал к авансцене вместе с Марго Фонтейн. Потом блеснул шпиль Исаакиевского собора, промелькнул парадный подъезд Кировского театра, лица его ленинградских друзей, букет, который бросили ему во время дебюта, — и он снова почувствовал теплые, ласковые руки матери — Боже, как он по ним истосковался!..

Рудольф Нуреев пошевелил губами, и медсестре пришлось наклониться, для того чтобы услышать последние слова:

— Где мама? Пусть она разотрет мне грудь гусиным жиром...

Алексей Филиппов